

выданъ собакѣ, которая получить на выставкахъ Общества не ниже большой серебряной медали, и которая и на осеннемъ состязаніи выкажетъ хорошія полевые качества.

Вотъ полное сознаніе, что даже большая серебряная медаль не есть порука за полевые качества.

Порадуемся же этому доброму началу.

А. Т.

Изъ моихъ наблюденій надъ зайцами. Прочитавъ въ одномъ изъ №№ „Охотничьей Газеты“ замѣтку относительно умственныхъ способностей зайца, въ которой авторъ положительно отвергаетъ умъ и хитрость „ко-сого“, мнѣ пришло въ голову самому заняться наблюденіемъ надъ ними, и я пришелъ къ совершенно противоположнымъ результатамъ, чѣмъ вышеупомянутый авторъ.

Вотъ что мнѣ пришлось прослѣдить.

Въ одну изъ моихъ осеннихъ охотъ, собаки мои подняли зайца въ яру, въ которомъ обыкновенно ходилъ скотъ и гдѣ, слѣдовательно, были кучки свѣжаго коровьяго навоза. Сначала собаки издали гнали зайца и онъ употреблялъ свои обыкновенные маневры, чтобы спастись отъ преслѣдованія. Но когда ему стала угрожать серьезная опасность, онъ сталъ дѣлать особые прыжки, извѣстные въ охотничьемъ языкѣ подъ названіемъ „скадокъ“. Когда же и эти приемы не помогли, онъ пустился на слѣдующую хитрость: добѣжавъ до свѣжей кучки навоза, онъ, на моихъ глазахъ, на минуту остановился на ней, потоптался, вымазалъ навозомъ свои лапки и тогда уже сдѣлалъ большую „скидку“ и черезъ десятокъ прыжковъ запалъ въ кустъ. Собаки мои, добѣжавъ до этой кучки навоза, тоже остановились и дальше уже не могли гнать: потеряли слѣдъ, такъ какъ запахъ навоза окончательно перебилъ запахъ зайца и отнялъ тѣмъ у собакъ возможность дальнѣйшаго преслѣдованія. Но на этотъ разъ зайцу не повезло: на его несчастье, я видѣлъ мѣсто, гдѣ онъ запалъ въ кусты и пошелъ по этому направленію; но заяцъ, не допустивъ меня на выстрѣлъ, выскочилъ изъ кустовъ, пустился на утекъ назадъ тѣмъ же путемъ и попался на глаза собакамъ. Увидѣвъ его, собаки бросились за нимъ и погнали „голосомъ только по зрячему“; но когда онъ исчезъ изъ виду, собаки совершенно потеряли всякую возможность гнать его, и заяцъ окончательно скрылся отъ преслѣдованія.

Когда я, созвавъ товарищей, бывшихъ со мной на охотѣ, рассказывалъ имъ объ этой необыкновенной продѣлкѣ зайца, они долго не хотѣли мнѣ вѣрить, пока я не привелъ ихъ къ памятной для меня кучкѣ навоза и не показалъ имъ оставшихся на ней слѣдовъ хитраго зайца.

Мнѣ кажется, что подобная продѣлка зайца служитъ явнымъ доказательствомъ его ума и хитрости, въ существованіи которыхъ многіе охотники сомнѣваются. Вѣдь нельзя же предположить, что это проп-

зошло случайно, что заяц печально попалъ на кучку навоза и не сознавалъ, что онъ дѣлаетъ. Я самъ собственными глазами видѣлъ, какъ онъ, прыгнувши на навозъ, нѣкоторое время потоптался на немъ, съ явнымъ намѣреніемъ выпачкать себѣ лапки, и тогда уже сдѣлалъ скидку.

Кромѣ того, сообщу еще одинъ, можно сказать, общеизвѣстный фактъ, который служить доказательствомъ того, что заяцъ вовсе не такъ трусливъ, какъ о немъ думаютъ и говорятъ, и что онъ, во время бѣгства, не только не теритъ отъ трусости своихъ мыслительныхъ способностей, но, наоборотъ, выказываетъ даже нѣкоторую храбрость.

Такъ, обыкновенно говорятъ, что заяцъ во время гона удираетъ и дѣлаетъ скидки всегда въ сторону, противоположную шуму, но на дѣлѣ оказывается не совсѣмъ такъ: извѣстно, что иногда заяцъ, преслѣдуемый собаками, оставивъ ихъ позади себя на довольно большомъ разстояніи, возвращается назадъ по своему слѣду, т. е. идетъ прямо на шумъ и тогда уже, пройдя нѣсколько шаговъ, дѣлаетъ скидку. Собаки, конечно, проносятся мимо по слѣду и сбиваются, вслѣдствіе чего заяцъ выигрываетъ время, чтобы сдѣлать еще нѣсколько новыхъ скидокъ и прыжковъ.

Такія наблюденія убѣдили меня, что и зайцы, вопреки общепринятому мнѣнію, обладаютъ довольно значительнымъ умомъ, хитростью и даже храбростью, такъ какъ, мнѣ кажется, подобныя побужденія мало назвать инстинктомъ самосохраненія: это нѣчто болѣе значительное, нѣчто такое, что я смѣло могу назвать его умомъ, хитростью и, если оно не доказываетъ храбрости, то, по крайней мѣрѣ, доказываетъ, что зайцы вовсе не такъ трусливы, какъ о нихъ обыкновенно говорятъ.

Эти-то наблюденія и побудили меня выступить на защиту „косого“.

Василій Черницкій.

Медвѣдь-рыбакъ. Осенью 1889 года случилось мнѣ быть въ дер. Семіарской, расположенной на правомъ берегу Неволоды, одномъ изъ многочисленныхъ притоковъ р. Оби, немного ниже г. Сургута и выше впаденія Иртыша въ Обь.

Мѣстный крестьянинъ Нартыновъ съ самаго лѣта началъ ловлю муксуновъ 500 саженнымъ стрелевымъ неводомъ; добываемую изъ Оби крупную рыбу, а въ особенности муксуновъ, онъ съ половины Августа уже пересталъ солить и вялить, какъ это дѣлаютъ и всѣ сѣверные рыбопромышленники, а началъ садить ихъ въ садъ—небольшое озерко на дугу р. Оби, гдѣ рыба обыкновенно сохраняется живою до рѣкостава, съ тѣмъ, чтобы, по наступленіи заморозковъ, выбрать ее оттуда мелкимъ неводомъ, заморозить и свѣжую отправить гужемъ прямо на рынокъ въ Тобольскъ или Тюмень.

Осенняя рыбалка на пескѣ Нартынова шла довольно успѣшно: рыба,